

Шекспир. Том V

**Полное собрание сочинений в пяти томах
(Антикварное издание 1902 г.)**

УДК 82-1
ББК 84-5
Ш41

Ш41 Шекспир. Том V: Полное собрание сочинений в пяти томах (Антикварное издание 1902 г.) / – М.: Книга по Требованию, 2021. – 711 с.

ISBN 978-5-458-24182-3

Собрание сочинений Шекспира под редакцией С.А.Венгерова, с рисунками в тексте и многочисленными картинками на отдельных листах, выпущено в 1902-1904 гг. Брокгаузом и Ефроном. Пятитомник является полным собранием всего того, что связано с именем Шекспира, т. е. не только того, что ему бесспорно принадлежит, но и того, что ему с некоторой долей вероятности только приписывается. Каждая пьеса снабжена обстоятельнейшими историко-критическими предисловиями и историко-литературными примечаниями. Но главное, что привлекает в издании - это прекрасные и многочисленные рисунки в тексте и на отдельных листах. Дополнительный интерес собранию сочинений придаёт также то обстоятельство, что большинство переводов не знакомо современному читателю. Том V: Король Генрих VI (переводчик: Ольга Чюмина) Тит Андроник (переводчик: Ольга Чюмина) Два знатных родича (переводчик: Николай Холодковский) Эдуард III (Пьеса, приписываемая Шекспиру) (переводчик: Владимир Лихачев) Стихи (в разных переводах) Сонеты (в разных переводах)

ISBN 978-5-458-24182-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Король Генрихъ VI.

Историческая драма къ послѣдному десятилѣтію царствованія королевы Елизаветы стала вдохновляться патріотическими идеями. „Великая Армада“, угрожавшая берегамъ Зеленаго острова, была развѣяна, и „морская дѣва, царствующая на Западѣ“, представилась теперь въ ореолѣ непобѣдимой защитницы родины. Національное самосознаніе пробудилось въ англійскомъ обществѣ съ особой силой. Настроеніе стало приподнятымъ, гордымъ, полнымъ увѣренности въ себя и вѣры въ свои силы. Изъ всей англійской исторіи, рассказанной Голиншедомъ и Голлемъ, невольно притягивала къ себѣ вниманіе фигура побѣдителя французовъ храбраго короля Генриха Пятаго, о подвигахъ котораго пѣлись народныя баллады. Около 1588 г. неизвѣстный авторъ и доставилъ Лондонской публикѣ удовольствіе увидѣть представленіе „Знаменитыхъ побѣдъ Генриха Пятаго, содержащее въ себѣ славную битву при Азинкурѣ“. Пьеса имѣла громкій успѣхъ. Шутовскія сцены, введенныя вѣроятно Тарльтонемъ, какъ бы вторили въ ней воинственному лиризму патріотическихъ увлеченій, еще болѣе подчеркивая ихъ чисто народный характеръ. Прошло два—три года и Нашъ еще не можетъ забыть объ этой драмѣ. „Какъ пріятно, восклицаетъ онъ въ одномъ памфлетѣ 1592 года, видѣть на сценѣ Генриха Пятаго, ведущаго плѣнниками французскаго короля и его дофина, чтобы они присягнули ему въ вѣрности“.

И воспоминанія о владычествѣ Англіи надъ Франціей не оставляли воображенія патріотически настроенныхъ поэтовъ. Они невольно заняли центральное мѣсто въ англійской исторіи. Почему же это утратила Англія свое ленное владычество надъ Франціей уже при сынѣ Генриха V, Генрихѣ VI? Какъ связать царствующую теперь династію съ славнымъ побѣдителемъ при Азинкурѣ? Отчего возникли всѣ эти внутреннія распри, вся „та кровавая борьба йоркской и Ланкастерской династій“, называемая „войной алой и бѣлой розы“? Вотъ сомнѣнія, которыя хотѣлось невольно какъ нибудь разрѣшить, вотъ вопросы, надъ которыми невольно тянуло призадуматься и поразмыслить.

Этимъ историко-философскимъ интере-

самъ отвѣтили цѣлыхъ три слѣдовавшія за „Знаменитыми побѣдами Генриха Пятаго“ драматическія хроники.

Въ 1594 году вышла „Первая часть борьбы между двумя знаменитыми домами Йоркскимъ и Ланкастерскимъ, со смертію добраго герцога Гомфри, и съ изнаніемъ и со смертію герцога Суффолька и трагическимъ концомъ добраго кардинала Винчестера, съ замѣчательнымъ возмущеніемъ Джека Кеда и съ посягательствомъ герцога Йоркскаго на корону“. Годомъ позже за ней послѣдовала другая пьеса съ такимъ же пространнымъ заглавіемъ: „Истинная трагедія о Ричардѣ, герцога Йоркскомъ, и о смерти добраго короля Генриха VI, со всей борьбой между Ланкастерскимъ и Йоркскимъ домами, въ томъ видѣ, какъ она нѣсколько разъ была представлена служителями графа Пемброка“. Въ 1600 г. подъ тѣми же заглавіями вновь появились пьесы, въ высшей степени схожія съ только-что названными, и въ новомъ изданіи 1619 г. онѣ уже носятъ одно общее заглавіе: „Вся борьба между двумя знаменитыми домами Ланкастерскимъ и Йоркскимъ. Съ трагическимъ концомъ добраго герцога Гомфри, герцога Ричарда Йоркскаго и короля Генриха VI. Въ двухъ частяхъ и вновь исправленная и дополненная. Написана Вильямомъ Шекспиромъ“.

Сообразно послѣдней пьесы эти и вошли въ первое изданіе произведеній Шекспира 1623 года. Это — „Вторая и третья части Генриха VI“, которымъ предшествуетъ еще и новая книга „Первая часть“. Болѣе ранняго изданія этой первой части до насъ не дошло, но несомнѣнно она старше второй и третьей и была разыграна въ театрѣ „Роза“ 3 марта 1592 г. Подъ этимъ числомъ помѣщена пьеса „Генрихъ VI“ въ извѣстномъ дневникѣ Генсло и это, конечно, и есть наша „Первая часть“. Въ томъ же 1592 году Нашъ дѣлаетъ совершенно ясный намекъ на ея главнаго героя Тальбота. „Какъ должна была обрадовать Тальбота, этого устрашителя французовъ, — восклицаетъ онъ, — мысль, что, пролежавъ двѣсти лѣтъ въ могилѣ, онъ опять будетъ одерживать побѣды на сценѣ, что кости его снова будутъ покрыты бальзамомъ слезъ по крайней мѣрѣ десяти тысячъ зри-

телей (въ нѣсколько представленій), которые, видя его передъ собою въ трагедіи, воображать себѣ, что онъ вновь обливается передъ ними свѣжей кровью*.

Приблизительно около 1592 года, три трагедіи рассказывали такимъ образомъ событія отъ смерти Генриха V (1422 г.) до воцаренія Йоркской династіи въ лицѣ Эдуарда IV (1461 г.) и до смерти короля Генриха VI (1471 г.). А когда возникнетъ и „Ричардъ III“ Шекспира, эти событія уже будутъ доведены до восшествія на престолъ Генриха VII (1485—1509 г.), родного дѣда „царственной дѣвы“ Елизаветы.

И всѣ эти шестьдесятъ три года англійской исторіи были объединены однимъ общимъ поэтическимъ замысломъ. Черезъ всѣ рассказанныя здѣсь событія, отъ осады Орлеана и появленія во французскомъ войскѣ Іоанны д'Аркъ, черезъ перипетіи интригъ королевы Маргариты вмѣстѣ съ Суффолкомъ и епископомъ Винчестерскимъ противъ герцога Гомфри, черезъ возмущеніе Джека Кеда и возстаніе Ричарда Плантагенета, герцога Йоркского, черезъ битву при Сентъ-Албанѣ, до сватовства Эдуарда Йоркского во Франціи и отпаденія отъ него его брата Кларенса и наконецъ до убійства Ричардомъ Глостеромъ Генриха VI, черезъ всѣ эти разнообразныя историческіе факты красной нитью проходитъ одна идея. Въ центрѣ ихъ поставлена личность, либо слабая, робкая, несоотвѣтствующая тому назначенію, какое ей выпало на долю, либо, напротивъ, держащая и преступная. Судьба личностей опредѣляетъ собою направленіе событій, а самой этой судьбою личностей управляетъ незыблемый и роковой моральный законъ мірозданія.

Дѣйствительно, уже въ „Первой части“, несмотря на хаотичность дѣйствія, совершенно ясно выступаетъ основной, задуманный авторомъ замыселъ.

Генрихъ V, побѣдитель при Азинкурѣ, умеръ, и въ Англіи нѣтъ болѣе короля. Только братъ покойнаго Гомфри Глостеръ, регентъ королевства, еще держитъ кое-какъ бразды правленія. Но онъ не король и далеко не то, что его царственный братъ. А между тѣмъ, вотъ съ континента приходятъ извѣстія о томъ, что дофинъ Карлъ короновался въ Реймсѣ, что почти вся Франція въ возмущеніи. И рядомъ съ этимъ въ самой Англіи начинается смута: Генрихъ Бофортъ, епископъ Винчестерскій, не хочетъ признать регентства Глостера и между ними сразу возникаетъ глухая вражда, а тутъ еще разго-

рается другая, болѣе страшная, болѣе чреватая послѣдствіями распря: еще живъ старый Мортимеръ, томящійся въ темницѣ за то, что онъ, правнукъ Ліонеля, второго сына Эдуарда III, не призналъ законнымъ королемъ Генриха V. Генрихъ V — сынъ Генриха IV, Болинброка и внукъ лишь третьяго сына Эдуарда III, Джона Гаунтскаго, герцога Ланкастерскаго. Когда Генрихъ IV, Болинброкъ, свергнулъ съ престола своего двоюроднаго брата, слабого короля Ричарда II, сына Эдуарда, Чернаго принца, онъ прошелъ на тронъ королевства, лишь нарушивъ права Мортимеровъ, потомковъ Ліонеля. Мужество Генриха V заставило забыть вопросъ о престолонаслѣдіи. Сынъ узурпатора, онъ былъ по своимъ личнымъ достоинствамъ законный владыка Англіи. Но теперь его не стало, его сынъ малолѣтенъ, и старый Мортимеръ зоветъ въ свою тюрьму своего племянника, Ричарда Плантагенета, внука четвертаго сына стараго короля Эдуарда III, Эдмунда, герцога Йоркского, и напоминаетъ ему, что отецъ его, сынъ этого Эдмунда Йоркского, Ричардъ былъ женатъ на его, Мортимера, сестрѣ Аннѣ и что теперь черезъ эту Анну Мортимеръ Ричардъ Плантагенетъ, законный герцогъ Йоркскій, имѣетъ всѣ права и на королевскій престолъ, какъ отпрыскъ по матери старшей линіи королевской династіи.

А короля все нѣтъ. Только въ третьемъ актѣ видимъ мы этого мальчика Генриха VI. Онъ добръ и ласковъ, онъ всѣхъ хочетъ примирить, но у него нѣтъ ни мужества, ни отваги, ни истинной царственной, требующей подчиненія личности. И съ самаго появленія Генриха все понятно: славное время исторія Англіи прошло безвозвратно, утрата Франціи неизбежна, „война алой и бѣлой розы“ послѣ спора младшей линіи Ланкастеровъ и Ричарда Йоркского во дворѣ Темпла неминуемо должна настать.

Правда, если слабость короля и стародавнее преступленіе его дѣда, Болинброка, искупленное только отчасти подвигами Генриха V, должно получить возмездіе, то вѣдь во Франціи борется вообще англійское оружіе, которое, какъ таковое, въ моментъ написанія трагедіи должно было казаться все таки непобѣдимымъ. Успѣхи его вѣдь зависятъ не отъ одного мужества короля. Неужели же французы оказались доблестнѣе англичанъ? Неужели среди англійскихъ рыцарей трусъ и измѣнники не одинъ только Джонъ Фастольфъ? Этого, конечно, нельзя было допустить и отсюда

главныя отступленія въ этой драмѣ, отсюда главная ея запутанность. Событія во Франціи надо было охарактеризовать всесторонне и подробно.

Такъ возникъ, какъ выражается нѣмецкая критика, „смежный сюжетъ“ трагедіи.

Въ центрѣ его стоятъ англійскій герой Тальботъ и французская дѣвушка-воинъ, Іоанна д'Аркъ. Отвага Тальбота—несокрушима. Подъ Орлеаномъ и подъ Руаномъ онъ всюду остается побѣдителемъ. И, очевидно, не доблесть французовъ могла его погубить. Если онъ потерялъ Руанъ, то только изъ-за хитрости и предательства. Они воплощены въ Іоаннѣ д'Аркъ. Уже въ хроникѣ Голиншеда она изображена колдуньей и недостойной коварной обманщицей. Такою же она появляется и въ нашей трагедіи. Односторонность при ея обрисовкѣ была естественна; особаго вниманія автора она не могла къ себѣ привлечь; этимъ еще нарушилось бы то внутреннее единство, кое-какъ да спаивающее вмѣстѣ всѣ эти сцены, переносящіяся изъ Лондона во Францію, изъ Гаскони въ Руанъ, отъ придворныхъ интригъ, на поле брани. Разъ версія Голиншеда соотвѣтствовала замыслу, ее надо было принять безъ измѣненій.

Но не своими военными хитростями и адскими чарами, не тѣмъ, что она склоняетъ герцога Бургундскаго измѣнить англичанамъ—сильна Орлеанская дѣва. Вѣдь чары ея въ концѣ концовъ становятся безсильны и ей предстоитъ получить возмездіе на кострѣ. Коварство Іоанны только вторитъ и помогаетъ всеобщему распаду. Бессиліе короля передъ спорящими вокругъ его престола пѣрами—вотъ въ чемъ главная бѣда. Этимъ основной замыселъ трагедіи сплетается со „смежнымъ сюжетомъ“. Тальботъ погибаетъ вмѣстѣ съ сыномъ, потому что Ричардъ Іоркскій не можетъ согласиться съ герцогомъ Соммерсетомъ, принадлежащимъ къ младшей линіи Ланкастерскаго дома. Впрочемъ, и съ гибелью Тальбота еще далеко не все потеряно; самъ Ричардъ Іоркскій, захватившій въ плѣнъ Іоанну д'Аркъ, вѣдь также герой. Какъ претендентъ на англійскую корону, онъ не можетъ не дорожить владѣніями во Франціи и, какъ дѣдъ Елизаветы Іоркской, бабки побѣдительницы „великой Армады“, королевы Бетти, онъ долженъ былъ явиться въ ореолъ воинской доблести. Слабость короля Генриха заставляетъ его подпасть подъ вліяніе Суффолка, влюбленнаго въ Маргариту Анжу. „Французская волчица“ становится англій-

ской королевой, и этотъ бракъ съ иноземкой и влечетъ за собой уступку прерогативъ Англіи надъ французской короной.

И женитьба короля на Маргаритѣ Анжу естественно представлялась бѣдствіемъ. Изобразить его такимъ значило высказать косвенное одобреніе самой королевѣ Бетти, отвергшей французское и испанское сватовство.

Бракъ Генриха VI и Маргариты Анжу, заканчивающій „Первую часть“ нашей трилогіи, составляетъ какъ бы конецъ перваго акта всего трагическаго замысла. Утрата суверенитета во Франціи только показатель вящей слабости короля и грядущаго безславнаго времени. Главная трагическая катастрофа еще впереди; подойти къ ней быстрѣе помѣшали утѣшительныя для національнаго самолюбія сцены подвиговъ Тальбота и коварства Орлеанской дѣвы. И вторая и третья части сплетаются между собою уже тѣснѣе. Дѣйствіе почти не покидаетъ Англіи; содержаніе болѣе не двоится. Все дѣло въ борьбѣ Ланкастерскаго дома съ Іоркскимъ. Даже возмущеніе Кэда, останавливающее насъ на полъ-пути во второй части, только одинъ изъ эпизодовъ этой борьбы. „Французская волчица“, отъ которой происходятъ всѣ главныя бѣдствія Ланкастерской династіи, держитъ въ своихъ рукахъ всѣ нити событій. Это по ея винѣ король отнимаетъ регентство у Гомфри Глостера, единственной надежды Англіи. Враждою противъ брата Генриха V королевы Маргариты пользуется и епископъ Венчестерскій. Герцогъ Гомфри свергнуть и тогда начинается истинная анархія. Ея олицетвореніе этотъ Джекъ Кедъ, изображенный въ нашихъ пьесахъ врагомъ всякаго порядка. Мечты о всеобщемъ равенствѣ ведутъ лишь къ разрушенію, къ убійству, къ разложенію всего государственнаго порядка. Вотъ чего добилась своими интригами „французская волчица“, вотъ до чего довела Англію себялюбивая политика враждующихъ между собою пѣровъ.

И тутъ среди всего этого замѣшательства впервые рѣшается и Ричардъ Іоркскій перейти отъ словъ къ дѣлу. Ему, конечно, помогъ случай—военное порученіе въ Ирландіи; иначе онъ не оказался бы такъ легко во главѣ войска, но главная причина его дѣйствій противъ короля, главная причина его успѣха во время Сентъ-Албанской битвы, конечно, въ ослабленіи принципа государственности, внесенномъ „французской волчицей“.

Если на битвѣ при Сентъ-Албанѣ и заканчивается вторая часть трагедіи, то, какъ трагедія историческая, она составляетъ лишь дальнѣйшее развитіе дѣйствія. Высшимъ моментомъ общаго историческаго замысла трагедіи надо признать эту пятую сцену второго акта „Третьей части“, когда король Генрихъ VI сознается, что онъ не призванъ вовсе царствовать, и въ это время рядомъ съ нимъ мучаются въ угрызенияхъ совѣсти и безпредѣльномъ отчаяніи жертвы допущеннаго имъ междоусобія: отецъ убитый своего сына, сынъ убившій своего отца. Вотъ, чѣмъ была эта „война алой и бѣлой розы“, вотъ до чего довела свою страну король, ради коварной „французской волчицы“ отказавшейся отъ прерогативъ во Франціи купленныхъ англійской кровью. Бѣдствія Англіи дошли теперь до высшаго своего проявленія. Казалось бы, все должно погибнуть, и надежды не чувствуется ни откуда.

Сцену послѣдней битвы, проигранной Генрихомъ Шестымъ въ „Третьей части“ можно признать, такимъ образомъ катастрофой самой національной трагедіи. Но трагедія горестей англійской державы только „смежные сюжеты“, только отраженіе трагедіи борьбы за престолонаслѣдіе и за личные выгоды и счеы пэровъ королевства.

Возмездіе должны получить всѣ виновники бѣдствій родины. Согласно тому взгляду на мірозданіе, по которому оно управляется однимъ общимъ моральнымъ закономъ, трагическій конецъ долженъ постигнуть и этого Суффолька, сосватавшаго королю „французскую волчицу“, и епископа Винчестерскаго, погубившаго вмѣстѣ съ ними добраго герцога Гомфри Глостера, и Ричарда Іоркскаго, возставшаго противъ сына побѣдителя при Азинкурѣ, и, наконецъ, самого слабаго Генриха Шестого, допустившаго междоусобія. И при нѣсколько хаотическомъ, слишкомъ повѣствовательномъ характерѣ всѣхъ этихъ трехъ драматическихъ хроникъ, въ обѣихъ послѣднихъ частяхъ ея, то тамъ, то сямъ пестрѣютъ частичныя катастрофы, отвлекая вниманіе и не давая всему ходу дѣйствія пріобрѣсти вполне законченную стройность. Оттого такой случайной оказывается смерть Суффолька, оттого такъ неожиданно и какъ бы ненужно врѣзывается коротенькая третья сцена III акта „Второй части“, гдѣ мучается на смертномъ одрѣ епископъ Винчестерскій. Случайно и почти ненужно и убійство короля Генриха Шестого въ концѣ „Третьей части“.

Изъ-за этого преобладанія повѣсткова-

тельнаго элемента и невыдержанности трагическаго дѣйствія почти забытой оказалась и „французская волчица“ Маргарита Анжу.

Въ третьей части въ центрѣ дѣйствія стоитъ уже не она. Тутъ впервые развѣтывается передъ нами фигура главнаго мстителя за всѣ злодѣянія, самаго коварнаго, дерзающаго, сильнаго и страшнаго изъ потомковъ Эдуарда III, неостанавливающагося ни передъ какимъ злодѣйствомъ, Ричарда Глостера, третьяго сына Ричарда Іоркскаго.

Съ его полнымъ трагическимъ воспроизведеніемъ англійская публика ознакомилась нѣсколькими годами позже, когда вышелъ „Ричардъ III“ Шекспира, но и теперь, въ „Третьей части Генриха VI“, уже чувствуется его сумрачная личность и желѣзная воля. Зритель уже подозреваетъ, что этотъ бичъ Ланкастерской династіи погубить и свою собственную вѣтвь королевскаго дома. Если ему выпало на долю умертвить Генриха VI, то въ послѣднемъ актѣ онъ уже замышляетъ козни противъ своего брата Кларенса, стоящаго между нимъ и его старшимъ братомъ, первымъ королемъ изъ Іоркскаго династіи, Эдуардомъ IV. И своему царственному брату онъ вѣренъ лишь до поры до времени. Воспитавшійся въ этой кровопролитной войнѣ ради королевскаго престола, онъ самъ стремится сѣсть на мѣстѣ брата, и никакое преступленіе не остановитъ его; мы невольно ждемъ, что рука его обратится кровью его племянниковъ Эдуарда и Ричарда, наслѣдниковъ Эдуарда IV.

Трагическая фигура Ричарда III уже ведетъ насъ къ окончательной развязкѣ всей этой трагедіи полувѣка англійской исторіи. Воцарившаяся въ годины смутъ Іоркская династія должна погибнуть въ страшныхъ угрызенияхъ совѣсти Ричарда, когда онъ наконецъ достигнетъ престола. Преступленія привели ее къ гибели, какъ преступленія имѣли результатомъ и паденіе старшей линіи Ланкастеровъ. Только новая династія можетъ принести миръ и политическое величіе Англіи.

Эта династія взойдетъ на престолъ съ Генрихомъ VII, потомкомъ младшей линіи Ланкастерскаго дома, въ лицѣ Джона Соммерсета боровшейся съ герцогомъ Ричардомъ Іоркскимъ.

Побѣда Генриха VII, Ричмонда, надъ Ричардомъ III и восшествіе его на престолъ изображается въ Шекспировской трагедіи

„Ричардъ III“, но уже „Третья часть Генриха VI“ забѣгаетъ впередъ и предсказываетъ новую династію. Генрихъ VI пророчествуетъ маленькому Ричмонду, что ему предстоитъ возсоздать новый разцвѣтъ англійской державы, и онъ называетъ этого случайно встрѣченнаго имъ мальчика „надеждой Англіи“. Дѣдъ королевы Елизаветы такимъ образомъ какъ бы становится законнымъ наслѣдникомъ и Генриха V, побѣдителя при Азинкурѣ; онъ какъ бы призванъ царствовать надъ сыномъ Генриха V преступно слабымъ, но добрымъ Генрихомъ VI. На самомъ дѣлѣ Генрихъ Ричмондъ приобретаетъ право на корону Англіи тѣмъ, что женится на дочери Эдуарда IV изъ Йоркской династіи, но автору нашей трилогіи очевидно хотѣлось сблизить его потомковъ именно съ той линіей Ланкастерскаго дома, изъ которой вышелъ національный герой, сюзеренный владыка не только Англіи, но и побѣжденной силой англійскаго оружія „прелестной Франціи“.

Такъ разрѣшилась историко-философская проблема о преемственности англійскаго престолонаслѣдія и тѣсно связанная съ нею эпопея національнаго самосознанія Англіи. Но привести даже къ подобному далеко не совершенному трагическому единству событія исторіи Англіи удалось, конечно, не безъ цѣлаго ряда натяжекъ и отступленій. Авторъ нашей трилогіи далеко не придерживается точной исторической правды. Эдмундъ Мортимеръ, томящійся согласно нашей трагедіи въ темницѣ и сообщающій Ричарду Йоркскому о его правахъ на корону, вовсе не былъ въ дѣйствительности дядей Ричарда и умеръ спокойно на свободѣ, вовсе не во враждебныхъ отношеніяхъ ко двору. Еще болѣе отклоняются отъ истины наши драматическія хроники относительно Ричарда Глостера, брата короля Эдуарда IV. Онъ родился въ 1452 году и слѣдовательно въ Сентъ-Албанской битвѣ (1455 г.) никакого участія принимать не могъ. Онъ находился въ то время на континентѣ при дворѣ своей сестры герцогини Бургундской. Въ Англію онъ прибылъ лишь девятнадцати лѣтъ въ 1571 году, когда братъ его, король Эдуардъ IV, вновь вернулся въ Англію, чтобы окончательно утвердиться на престолѣ.

Такое же вольное обращеніе съ историческими фактами позволяетъ себѣ наша трагедія и въ сценахъ возстанія Джэка Кеда. Эта ненависть народной толпы противъ всѣхъ грамотныхъ людей заимство-

вана изъ разсказа того же Голиншеда о болѣе раннемъ возстаніи Уота Тайлора.

И вспомнилась автору нашей трагедіи эта черта движенія 1381 года конечно не спроста. Тутъ, въ произвольномъ обращеніи именно съ этими историческими фактами, мы увидимъ совершенно ясно, по какому направленію стремился авторъ въ интерпретаціи событій, каковы тѣ жернова, которые перемололи ихъ въ его воображеніи.

Джэкъ Кедъ интересовалъ автора нашихъ трагедій не самъ по себѣ. Онъ въ полномъ смыслѣ слова—личность эпизодическая. Обстоятельства этого народнаго возстанія даже не „смежный сюжетъ“, какъ борьба Тальбота съ Іоанной д'Аркъ въ „Первой части“. Джэкъ Кедъ—только показатель дезорганизаціи, анархіи, наставшей въ Англіи. Сбыточны или нѣтъ мечты о всеобщемъ равенствѣ, которыми онъ увлекаетъ толпу, нашему драматургу было совершенно не важно. Дѣло не въ нихъ, дѣло въ отношеніи ихъ къ государственности, разрушенной виною стоящихъ во главѣ государства личностей. Разрушеніе государственности—главная вина тогдашнихъ недостойныхъ правителей Англіи, и чѣмъ важнѣе для благоденствія родины принципъ государственности, чѣмъ пагубнѣе его разрушеніе для національнаго величія, тѣмъ значительнѣе и ужаснѣе преступленіе правителей. И въ этихъ цѣляхъ государство и встало въ воображеніи автора въ ореолѣ культурности, въ этихъ цѣляхъ Джэкъ Кедъ и его сообщники и задуманы именно разрушителями образованности. Можетъ быть человѣку, увлеченному идеями гуманизма, культурности и образованности и казались гораздо важнѣе и выше всеобщаго блага и всеобщаго равенства, но изобразилъ онъ государственный порядокъ оплотомъ гуманитарныхъ силъ страны для цѣлей своей собственной, исходящей изъ основного собственнаго замысла интерпретаціи историческихъ событій. Въ центрѣ этого замысла стоятъ не народныя массы, какъ это случится гораздо позднѣе въ „Коріоланѣ“ Шекспира, въ центрѣ его личности правителей, главная задача которыхъ—поддержаніе государства и главная вина—разрушеніе этого государства.

Если нашъ драматургъ насилуетъ такимъ образомъ историческіе факты, чтобы въ центрѣ дѣйствія еще ярче вырисовались личности его героевъ, то естественно въ тѣхъ же цѣляхъ и самыхъ героевъ сдѣлать

реснѣе, выпуклѣе, естественно стремленіе преувеличить ихъ вліяніе на ходъ событій, поставить историческіе факты въ болѣе тѣсную зависимость отъ чисто личной судьбы героевъ.

Эти стремленія повліяли главнымъ образомъ на фигуру Маргариты Анжу, названной въ нашей трагедіи „французской волчицей“ и опредѣляющей собою все дѣйствіе „Второй части“. Въ существѣ дѣла эта Маргарита Анжу такая же эпизодическая личность, какъ и Джэкъ Кедъ. Интересъ также сосредоточивается не на ней самой. Она лишь вящшій показатель слабости короля Генриха, лишь причина паденія Гомфри Глостера, лишь орудіе въ рукахъ епископа Винчестерскаго. Оттого автору вовсе не важно было, чтобы она погибла смертью трагическаго возмездія, но ему нужно было непременно преувеличить политическое значеніе брака съ нею короля Генриха, ему нужно было непременно надѣлать Маргариту такими чертами, которыя оправдывали бы ея названіе „французской волчицы“. И вотъ, для этого, если на самомъ дѣлѣ Маргарита стала женою Генриха еще за два года до смерти героя Тальбота, то въ нашей трагедіи, наоборотъ, женитьба на „французской волчицѣ“ представлена основнымъ горестнымъ событіемъ, наступившимъ вслѣдъ за гибелью національнаго героя, оплота англійскаго господства во Франціи. Чтобы очернить Маргариту, придуманъ также и весь этотъ романъ съ Суффолкомъ, хотя никакого слѣда его нѣтъ въ историческихъ источникахъ, доставившихъ факты нашей трагедіи.

И фигура „французской волчицы“ намъ въ высшей степени важна.

Она даетъ намъ указанія и на то, почему въ нашихъ трагедіяхъ такъ преувеличено значеніе личности. Маргарита Анжу представляетъ собою ту характерную черту всего замысла „Генриха VI“, по которой его можно поставить въ историко-литературную перспективу. Маргарита Анжу вѣдь—это царица Тамора изъ „Тита Андроника“, это королева Изабелла изъ „Эдуарда II“ Марло. И рядомъ съ нею такой же характеръ, навѣяннаго манерой Марло, героя носить и Тальботъ. Критики, отмѣчавшіе часто указанные сходства героевъ „Генриха VI“ съ героями Марло, обыкновенно указываютъ на сцену между Тальботомъ и графиней Овернской, какъ на типично Марловскую сцену. Марловскихъ слабыхъ королей напоминаетъ и Генрихъ VI „играющій въ риторика“. Сцена,

когда Іоанна д'Аркъ напрасно прибѣгаетъ къ заклинаніямъ адскихъ силъ, также пародируетъ соотвѣтственную сцену изъ Марловскаго „Доктора Фауста“. Въ словахъ Іоанны д'Аркъ рыцарю Люси, пришедшему за трупомъ Тальбота, можно видѣть и прямой намекъ на Марловскаго „Тамерлана“. Вѣдь этотъ „турокъ, обладающій пятьюдесятью двумя царствами“, надъ которымъ подсмѣивается Іоанна, и есть Тамерланъ.

Историко-философская проблема о событіяхъ англійской исторіи отъ смерти Генриха V до восшествія на престолъ Тюдоровъ разрѣшена на почвѣ того трагическаго міропониманія, какое складывалось у передовыхъ англійскихъ драматурговъ въ концѣ 80-ыхъ и въ началѣ 90-ыхъ годовъ шестнадцатаго столѣтія.

Идея возмездія героической личности, посягнувшей на незыблемость моральнаго закона и возмездія страшнаго, роковаго, неотвратимаго, вонзающагося въ сознание зрителя черезъ торжественную и часто высокопарную риторику дѣйствующихъ лицъ, черезъ потрясающій ужасъ наступающей въ концѣ дѣйствія катастрофы, эта идея, лежавшая въ основѣ трагедій римскаго риторика Сенеки, произвела въ то время цѣлый переворотъ въ драматическомъ искусствѣ. Это она породила кровавую трагедію вродѣ „Испанской трагедіи“ Кида, вродѣ стараго Гамлета-мстителя—вѣроятно того же Кида, вродѣ приписаннаго Шекспиру „Тита Андроника“. Сенековское вліяніе составляетъ одну изъ наиболѣе важныхъ для эволюціи драматическаго творчества чертъ и трагедій Марло. Манера Сенеки принесла съ собою и то стремленіе къ драматическому единству, которое отразилось въ елизаветинской драмѣ извѣстной стройностью замысла, борющейся съ преобладаніемъ въ ней чисто повѣствовательныхъ элементовъ.

Борьба эта до нѣкоторой степени скazyвается и въ „Генрихѣ VI“. Мы видѣли, что, несмотря на хаотичность дѣйствія, въ немъ все таки сказывается попытка трагическаго объединенія событій. И чѣмъ дальше мы подвигаемся въ исторіи Генриха VI, тѣмъ болѣе растетъ это стремленіе къ объединенію, къ нѣкоторому хотя бы единству.

И когда къ тремъ частямъ „Генриха VI“ прибавится еще „Ричардъ III“ Шекспира, это стремленіе осуществится. „Ричардъ III“ уже несомнѣнно сенековская трагедія. Единство не нарушается даже „смежнымъ сюжетомъ“. Идея возмездія руководитъ всѣмъ ходомъ дѣйствія. Герой трагедіи, Ричардъ

Глостеръ, надѣленъ всѣми чертами преступнаго героизма. Фигура взята уже изъ повѣствованія Мура, и ея зловѣщій, страшный трагизмъ ведетъ его черезъ всѣ глубины преступленія къ неотвратимому и заслуженному наказанію. Историческая преблема уже почти забыта; трагическое міросозерцаніе не только вліяетъ на ея разрѣшеніе,— оно уже совершенно вытѣснило ее и какъ бы заслонило ее собою. Этотъ Ричардъ Глостеръ, замѣнившій въ „Третьей части Генриха VI“ „французскую волчицу“, какъ будто высвободился изъ тяготѣвшихъ надъ нимъ оковъ историческаго повѣствованія, чтобы встать теперь передъ нами во всемъ величіи своей держащей, трагической натуры.

Фигура Ричарда Глостера, третьяго сына Ричарда Йоркскаго, которая вырисовывается въ послѣдней части „Генриха VI“ и во всю ширь и глубь использована въ „Ричардѣ III“ Шекспира подводитъ насъ къ вопросу, который еще вовсе не былъ до сихъ поръ затронутъ и на которомъ однако всего болѣе останавливалось вниманіе шекспиристовъ, каждый разъ какъ заходила рѣчь о нашей трилогіи. Именно фигура Ричарда Глостера поможетъ намъ подойти къ вопросу о томъ, кто же авторъ драматическихъ хроникъ о Генрихѣ VI.

Если „Генрихъ VI“ вошелъ въ первое изданіе произведеній Шекспира и болѣе раннее и нѣсколько иное, менѣе обработанное и слабое изданіе послѣднихъ двухъ частей этой трилогіи также называетъ ихъ авторомъ великаго драматурга, то есть и еще косвенное доказательство принадлежности ему этихъ трагедій. Въ 1592 г. умирающій Гринъ въ своемъ прощальномъ злобномъ памфлетѣ: „Грошъ мудрости, купленный за миллионъ раскаянія“ предостерегаетъ своихъ собратій драматурговъ противъ какихъ то новичковъ. „О, не довѣряйте имъ, восклицаетъ Гринъ, потому что между ними есть одинъ взлетѣвшій высоко воронъ, разукрашенный нашими перьями, съ *сердцемъ тигра, скрытымъ подъ шкурой актера*; онъ думаетъ, что способенъ сплести такой же торжественный бѣлый стихъ, какъ любой изъ насъ, и какъ истый Johannes Factotum, считаетъ себя единственнымъ потрясателемъ сцены въ нашей странѣ“. Этотъ „Потрясатель сцены“, конечно, некто иной, какъ Шекспиръ, имя котораго означаетъ по англійски: потрясатель копьемъ, и выраженіе „сердце тигра, скрытое подъ шкурой актера“ пародируетъ слова Ричарда

Йоркскаго королевѣ Маргаритѣ въ „Третьей части Генриха VI“. Такимъ образомъ Гринъ несомнѣнно считалъ эту пьесу шекспировской и изъ его ѣдкой саркастической замѣтки можно судить о томъ, что эта трагедія именно и выдвинула молодого Шекспира, какъ драматурга.

Однако несовершенство въ художественномъ отношеніи нашихъ трагедій, ихъ очень часто плохіе стихи заставили цѣлый рядъ критиковъ сильно заподозрить принадлежность ихъ автору „Отелло“ и „Гамлета“.

Въ самыхъ словахъ Грина уже заключается какъ будто намекъ на то, что не одинъ Шекспиръ—создатель этой трилогіи. Дѣйствительно, зачѣмъ называетъ Гринъ Шекспира вороной, „украшенной нашими перьями“? Онъ какъ будто хочетъ приписать и себѣ самому и нѣкоторымъ изъ своихъ собратьевъ авторство прогрессившей пьесы. Мы видѣли также, что цѣлый рядъ ея сценъ представляетъ собою сколокъ съ трагедій Марло. Еще болѣе поводъ сомнѣніямъ въ этомъ смыслѣ подають раннія изданія „Второй и Третьей частей“ нашей трилогіи, вышедшія анонимно. Ихъ текстъ также значительно разнится отъ текста, извѣстнаго намъ по собранію сочиненій Шекспира. Невольно думается, что Шекспиръ только передѣлалъ болѣе раннія пьесы, только приложилъ къ нимъ свою гениальную руку. Въ самомъ созданіи ихъ участвовали и другіе драматурги, и особенно въ болѣе слабой первой части роль этихъ сотрудниковъ была, по видимому, очень значительна.

Сомнѣнія эти разрѣшались различно.

Малонъ, Колльеръ, Дайсъ, Кортенэи Крейсигъ считали авторами „Первой части борьбы“ и „Истинной трагедіи“—Грина или Марло, а Шекспиру приписывали только ихъ дальнѣйшую переработку въ пьесы, извѣстныя намъ по изданію произведеній Шекспира. Такого же мнѣнія держатся и представители новѣйшей англійской школы шекспиристовъ. Фэрниваль, слѣдуя за г-жею Ли, считаетъ, что даже въ переработкѣ „Первой части борьбы“ и „Истинной трагедіи“ вмѣстѣ съ Шекспиромъ работали Гринъ и Марло. Такъ же думаетъ и новѣйшій біографъ Шекспира Сидней Ли, склоняющійся только скорѣе въ сторону Грина и Пиля, какъ сотрудниковъ великаго драматурга. Подобные взгляды исходятъ главнымъ образомъ изъ наблюденія надъ стилемъ, при чемъ каждый разъ какъ то или иное выраженіе напоминаетъ манеру Марло или Грина, соот-

вѣтственная сцена относится на ихъ счетъ. Всѣ перечисленные шекспиологи какъ будто не допускаютъ возможности того, чтобы молодой Шекспиръ подражалъ болѣе старымъ драматургамъ, находился подъ ихъ вліяніемъ, и Гринъ назвалъ его „вороной, украшенной нашими перьями“ именно потому, что узналъ въ немъ ученика и подражателя.

Рядомъ съ указаннымъ взглядомъ на происхождение нашей трилогіи очень давно была предложена другая гипотеза. Еще Шлегель, Ульрици, Найтъ и Деліусъ приписывали всю нашу трилогію Шекспиру и вышедшія анонимно: „Первую часть“ и „Истинную трагедію“, а равно и „Двѣ части“ считали „воровскими изданіями“, наскоро записанными во время представленія и потому дающія намъ не болѣе ранній текстъ этихъ трагедій, а только ихъ извращенный текстъ. И такого взгляда придерживаются многие современные шекспиологи. Таково мнѣніе Женз, Охельгаузера и Брандля. Вѣдь и Фэрниваль, считавшій, что въ созданіи „Первой части“ и „Истинной трагедіи“ Шекспиръ совершенно не участвовалъ, признаетъ однако, что сцены съ Джекомъ Кедомъ возникли подъ его вліяніемъ, а Сидней Ли приписываетъ ему и четвертую сцену II акта „Генриха VI, часть первая“, гдѣ изображено зарождение спора „бѣлой и алой розы“.

Шекспиръ часто передѣлывалъ старыя пьесы. Если его задумчивый, столь дорогой ему „Гамлетъ“ возникъ изъ передѣлки „Гамлета“ Кида, то, конечно, легко предположить, что въ ранней молодости онъ воспользовался уже существовавшими пьесами. И если и „Гамлетъ“ нѣсколько разъ передѣлывался Шекспиромъ, то развѣ не надо счесть весьма правдоподобнымъ, что и въ молодости онъ отдѣлывалъ свои пьесы и послѣ того, какъ онѣ были изданы. Сидней Ли справедливо полагаетъ, что принялся за эту работу Шекспиръ для новой постановки на сцену своей трилогіи.

А вѣдь трилогія эта имѣла вромкій успѣхъ. Это мы хорошо знаемъ по отзывамъ Наша и Грина. И изъ словъ Грина, мнѣ кажется, нельзя не заключить, что именно это раннее произведеніе Шекспира и выдвинуло его среди прочихъ драматурговъ. Въ сравненіи съ послѣдующими его произведеніями, „Генрихъ VI“ кажется, разумѣется, слабымъ, хаотичнымъ, слишкомъ увлекающимся риторикой, грубымъ

и подражательнымъ. Онъ неизмѣримо ниже и „Эдуарда II“ Марло. Но въ немъ уже содержится зерно истинно-шекспировскаго драматическаго замысла. Своей „Третьей частью“ „Генрихъ VI“ уже подводитъ насъ къ одной изъ знаменитѣйшихъ историческихъ трагедій великаго сердцевода-драматурга.

Я разумѣю фигуру Ричарда Глостера, вполнѣдствіи трагическаго злодѣя—узурпатора Ричарда III.

Охельгаузеръ въ своемъ этюдѣ о Ричардѣ III воочію указалъ, что образъ этого героя-дерзателя, такъ сильно поразившаго своеобразиемъ своего трагизма еще Шиллера, начинается вырисовываться въ „Генрихъ VI“. И это не прибавка, не надстройка надъ вышедшими раньше „Второй частью“ и „Истинной трагедіей“ или „Обѣими частями“—Ричардъ Глостеръ принадлежитъ самому замыслу этихъ трагедій. Ради созданія его авторъ нашей трилогіи насилуетъ факты исторіи, отступаетъ отъ Голиншеда и Голля, которымъ онъ часто слѣпо вѣритъ, и тутъ вдохновляется описаніемъ этого лица у Мура. Тутъ чувствуются личныя художественныя исканія.

И Ричардъ Глостеръ былъ необходимъ автору нашей трилогіи по самому общему историко-философскому запросу, лежащему въ основѣ всей трилогіи. Ричардъ Глостеръ, этотъ бичъ Ланкастерской династіи, это дѣтище междоусобій и борьбы за престолонаслѣдіе, оказывается и смѣненнымъ, выросшимъ на лонѣ Йоркской династіи, погубившимъ и ее самое и своими титаническими преступленіями узаконившій новый государственный переворотъ—появленіе новой королевской династіи—восшествіе на престолъ Генриха VII, Ричмонда, дѣла королевы Елизаветы. Ричардъ III—это тотъ историческій поршень, которымъ приведены въ движеніе событія, опредѣлившія появленіе на престолѣ Англіи „побѣдительницы великой Армады“, этой „морской дѣвы, царствующей на Западѣ“, какъ называлъ Елизавету Шекспиръ въ своемъ „Снѣ въ лѣтнюю ночь“.

Были или нѣтъ у Шекспира сотрудники при созданіи „Генриха VI“, одѣлся ли онъ павлиньими перьями Марло и Грина, не только подражая ихъ манерѣ и на нихъ учась драматическому творчеству, несомнѣнно одно: этой огромной, неуклюжей, но широкозадуманной трилогіей онъ впервые „взлетѣлъ высоко“ и взлетѣлъ не какъ воронъ, а какъ орелъ. Евгений Аничковъ.

Дѣйствующія лица:

Король Генрихъ VI.
 Герцогъ Глостеръ, дядя короля, протекторъ.
 Герцогъ Бедфордъ, дядя короля, французскій регентъ.
 Томасъ Бофортъ, герцогъ Экзестеръ, внучатый дядя короля.
 Генрихъ Бофортъ, внучатый дядя короля, епископъ Винчестеръ, впоследствии кардиналъ.
 Джонъ Бофортъ, графъ Сомерсетъ, впоследствии герцогъ.
 Ричардъ Плантагенетъ, сынъ Ричарда, покойнаго графа Кембриджа, впоследствии герцогъ Йоркъ.
 Графъ Уорикъ (Варвикъ).
 Графъ Сольсбери.
 Графъ Суффолькъ (Салисбюри).
 Лордъ Тальботъ, впоследствии графъ Шрусбери.
 Джонъ Тальботъ, сынъ его.
 Эдмундъ Мортимеръ, графъ Марчъ.
 Сэръ Джонъ Фастольфъ.
 Сэръ Вильямъ Льюисъ.
 Сэръ Вильямъ Гленсдэль.
 Сэръ Томасъ Гаргрэвъ.
 Мэръ Лондона.
 Вудвилъ, комендантъ Тоуэра.

Вернонъ, изъ партіи Бѣлой Розы или Йорка.
 Боссетъ, изъ партіи Алой Розы или Ланкастера.
 Стряпчій.
 Стражи Мортимера.
 Карлъ, дофинъ, впоследствии король Франціи.
 Рене, герцогъ Анжуйскій, носившій титулъ короля Неаполитанскаго.
 Герцогъ Бургундскій.
 Герцогъ Алансонскій.
 Батардъ Орлеанскій.
 Парижскій губернаторъ.
 Оружейный мастеръ въ городѣ Орлеанѣ.
 Сынъ его.
 Главнокомандующій французскими войсками въ Бордо.
 Французскій сержантъ.
 Привратникъ.
 Старикъ на стухъ, отецъ Дѣвственницы.
 Маргарита, дочь Рене, впоследствии—супруга короля Генриха.
 Графиня Овернская.
 Иоанна Дѣвственница, обыкновенно называемая Иоанною д'Аркъ.
 Лорды, стражи Тоуэра, герольды, офицеры, солдаты, гонцы, англійская и французская свиты.
 Злые духи, являющіеся Иоаннѣ.

Дѣйствіе происходитъ частью въ Англіи, а частью во Франціи.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА I.

Вестминстерское аббатство.

Похоронный маршъ. Тѣло короля Генриха V выносятъ на парадномъ траурномъ ложѣ. Его охраняютъ герцоги Бедфордъ, Глостеръ, Экзестеръ, графъ Уорикъ, епископъ Винчестерскій, герольды и т. д.

Бедфордъ.

Пусть облекутся въ трауръ небеса
 И ночью день замѣнится! Кометы,
 Что времена и царства измѣняютъ—
 Хрустальными косами потрясая,
 Враждебная свѣтила покажите,
 Рѣшившія, чтобъ умеръ Генрихъ пятый.
 Онъ слишкомъ былъ для долгой жизни
 славенъ:

Мы короля такого не теряли.

Глостеръ.

Мы до него не знали короля.

Повелѣвать онъ былъ вполне достоинъ,
 Поднятый мечъ лучами ослѣплялъ,
 Раскинутыя руки были шире
 Дракона крылъ, глаза, пылая гнѣвомъ,
 Враговъ слѣпили, въ бѣгство обращая,
 Сильнѣй, чѣмъ солнце, жегшее ихъ ликъ.
 Что мнѣ сказать? Превыше словъ—дѣла,
 Былъ каждый взмахъ руки его—побѣдой.

Экзестеръ.

Мы въ траурѣ, зачѣмъ же не въ крови
 Скорбимъ о немъ? Нашъ Генрихъ не вос-
 креснетъ.

Мы деревянный гробъ сопровождаемъ,
 Торжественнымъ присутствіемъ своимъ
 Безчестную побѣду смерти славимъ:
 Такъ плѣнники идутъ за колесницей.
 Кого намъ клясть? Враждебная ль свѣтила,
 Чей заговоръ низвергнулъ нашу славу,
 Иль слѣдуетъ французамъ хитрыхъ честь
 За колдуновъ—изъ страха передъ нимъ
 Его убившихъ чарами своими?

Винчестеръ.

Онъ—царь, Царемъ царей благословенный,
Исудный день не такъ французамъ страшенъ,
Какъ страшенъ имъ былъ самый видъ его.
Сражался онъ за Бога силъ, и церкви
Молитвами преуспѣвалъ въ бою.

Глостеръ.

Причемъ тутъ церковь? Если бы ея
Служители такъ много не молились—
Такъ скоро бы не порвалась нить жизни.
Вамъ любъ король изнѣженный: его,
Какъ мальчика, вы застрашать могли бы.

Винчестеръ.

Чтобъ ни было намъ любо, ты—протекторъ,
Ты королемъ и царствомъ хочешь править,
Межъ тѣмъ жены боишься ты надменной
Сильнѣй, чѣмъ Бога и духовныхъ лицъ.

Глостеръ.

Не говори о церкви, плоть любя.
Ты изрѣдка затѣмъ лишь въ храмъ заходишь,
Чтобъ вымолить враговъ твоихъ погибель.

Бедфордъ.

Оставьте споръ, и духъ смирите свой,
Всѣ—къ алтарю, герольды—вслѣдъ.—Воз-
ложимъ

Не золото, оружье на него.
Что пользы въ немъ съ тѣхъ поръ, какъ
умеръ Генрихъ?

Потомство, жди печальныхъ дней, когда
Грудныхъ дѣтей питать слезами будутъ
И въ море слезъ нашъ островъ обратится,
Гдѣ жены лишь останутся однѣ—
Оплакивать умершихъ. Генрихъ пятый,
Взываю къ духу твоему: страну
Оберегай отъ войнъ междоусобныхъ,
Съ враждебными свѣтилами борись,
Звѣзда души твоей зажжется ярче,
Чѣмъ Цезаря созвѣзды съ Вероникой.

Входитъ гонецъ.

Гонецъ.

Достойнѣйшіе лорды, всѣмъ привѣтъ!
Изъ Франціи привезъ я вѣсть дурную—
О гибели, убійствахъ, пораженъяхъ.
Шампань, Гвиена, Реймсъ и Орлеанъ,
Парижъ, Руанъ и Пуатье—погибли.

Бедфордъ.

Потише будь предъ прахомъ короля!
Иль при такой уtratѣ гробъ свинцовый
Взломаетъ онъ и снова оживетъ.

Глостеръ.

Парижъ потерянь и Руанъ сдался?

О, если бы возсталъ изъ мертвыхъ Генрихъ—
Узнавъ о томъ, онъ испустилъ бы духъ.

Экзетеръ.

Измѣна чья была тому виною?

Гонецъ.

Измѣны нѣтъ: нужда въ деньгахъ и людяхъ.
Среди солдатъ всѣ шепчутся о томъ,
Что держитесь вы здѣсь различныхъ партій,
И если намъ сраженъе нужно дать—
Вы спорите: кого вождемъ назначить?
Одинъ, скупясь, тянуть войну желаетъ,
Другой—летѣть, но у него нѣтъ крыльевъ,
А третій полагаетъ—безъ затратъ
Достигнуть мира лъстивыми словами.
О, пробудись, знать Англіи! Пусть лѣность
Не омрачитъ недавней вашей славы!
Въ гербъ своемъ страна лишилась лилій
И половину поля потеряла.

Экзетеръ.

Когда-бъ въ слезахъ здѣсь недостатокъ былъ—
То эта вѣсть исторгла-бъ ихъ потоки!

Бедфордъ.

Мнѣ—эта вѣсть! Регентъ французскій—я.
Эй, латы мнѣ! За Францію побьюсь я.
Позорныя одежды скорби—прочь!
Французамъ дамъ я раны вмѣсто глазъ,
Что-бъ новую бѣду оплакать кровью.

Входитъ другой гонецъ.

2-й гонецъ.

Прочтите, лорды, скорбныя посланья.
Вся Франція на англичанъ возстала,
За исключеньемъ мелкихъ городовъ,
И Карлъ дофинъ былъ коронованъ въ Реймсѣ.
Онъ сблизился съ Батардомъ Орлеанскимъ,
Рене, Анжуйскій герцогъ—за него,
Къ нему спѣшить и герцогъ Алансонскій.

Экзетеръ.

Дофинъ—король, и всѣ спѣшать къ нему?
Куда бѣжать отъ этого позора?

Глостеръ.

Мы побѣдимъ—схватить врага за горло,
Коль ты замедлишь, Бедфордъ, я иду.

Бедфордъ.

Зачѣмъ во мнѣ ты усомнился, Глостеръ?
Въ умѣ своемъ уже собралъ я войско,
Которое всю Францію покроетъ.

Входитъ 3-й гонецъ.

3-й гонецъ.

О, лорды, въ добавленъе къ тѣмъ слезамъ,